

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛА

А.Ш. ЖВИТИАШВИЛИ

Социокультурные типы в эволюции русского села*

В статье рассматриваются социокультурные типы, возникшие в ходе эволюции русского села. Их анализ необходим для учета перспектив аграрной модернизации в стране.

Ключевые слова: социокультурные типы, идеальные типы, село, рантье, спекулянты, крестьянство.

The author analyses social cultural types in Russian agrarian evolution. To take into account these types is to pave a path to evaluate possibilities of modernization in Russian agriculture.

Keywords: social cultural types, ideal types, rural area, rentiers, speculators, peasantry.

Успех модернизации общества, в том числе агросферы, зависит от многих факторов. Среди них особую роль играет социокультурный тип актора. Для анализа социокультурных типов русского села воспользуюсь классификацией, предложенной В. Парето, который различал два основных типа: “рантье” и “спекулянт”. Рантье – не только те, кто живут на проценты с вложенного капитала, а спекулянты – не только те, кто участвуют в торговых посреднических сделках. “Спекулянты” подчиняют свои действия категориям инноваций и интереса, являясь носителями утилитарной культуры, а рантье включают сторонников *status quo* в обществе, будучи поборниками исторически укоренившихся культурных форм [Pareto, 1980, p. 330, 348]. Указанные типы представляют собой не столько экономические, сколько социокультурные типы.

Идея социальных типов Парето стоит ближе к принципу взаимопроникновения статического и динамического, чем к принципу их механистического противопоставления. «“Рантье”, – писал он, – не следует смешивать с консерваторами, а “спекулянтов” с “прогрессистами”, новаторами, революционерами. Они имеют много общего с ними, однако не совпадают полностью. Имелись эволюции, революции, инновации, которые поддерживались “рантье”...» [Осипова, 1999, с. 62].

“Рантье” и “спекулянты” представляют собой также идеальные типы, которые аналогичны идеальным типам М. Вебера [Вебер, 2006, с. 580, 310, 354], который различал два класса идеальных типов. Один он определял как “мысленную конструкцию

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта “Русское село: социально-структурные процессы” (проект № 10-03-00188а).

для измерения и систематической характеристики индивидуальных, то есть значимых в своей единичности связей...” [Вебер, 2006, с. 310]. Этот класс идеальных типов охватывает единичные, неповторимые события мировой истории. Другой класс идеальных типов он рассматривал как такой “индивидуальный идеальный тип”, который “составляется из понятийных элементов, родовых по своей природе...” [Вебер, 2006, с. 510]. Этот класс идеальных типов включает социальные явления, обладающие статусом закономерных или всеобщих.

Подобно последнему классу идеальных типов Вебера, социальные типы Парето носят всеобщий характер: “рантье” и “спекулянты” встречаются в самые разные эпохи – от Античности до современной глобализации. По типологии социальных действий Вебера, социальные действия “рантье” могут классифицироваться главным образом как традиционные или ценностно-рациональные действия, а социальные действия “спекулянтов” можно определить преимущественно как целерациональные действия. В то же время в структуре социальных действий обоих типов могут присутствовать и действия противоположной стороны, а также аффективные действия. Указанные типы представлены в истории человечества в виде конкретных социальных акторов, которые в большей или меньшей степени приближаются к идеально-типическим парадигмам.

В русской аграрной (и не только аграрной) истории встречаются и “рантье”, и “спекулянты”. Среди крестьянства наиболее распространен тип “рантье”. Вместе с тем даже такой во многом консервативный институт, как сельская община, в ряде случаев допускал нарушение принципов традиционализма во имя защиты утилитарных интересов. “Если интересы общины, – пишет А. Носкова, – вступали в противоречие с интересами семьи, община могла вступить в конфликт с родителями невесты и, следовательно, с традицией. Так, несогласие родителей на брак дочери часто происходил из нежелания родителей терять работницу в семейном хозяйстве. Потребностью же общины было обеспечение естественного воспроизводства населения. В этом случае община руководствовалась уже не традиционным обычаем (быть на стороне родителей), а своей нормой” [Российское... 2004, с. 281–282]. Не будем забывать и об участии крестьянских масс в восстаниях, бунтах, наконец, в революционных событиях начала XX в., когда крестьяне демонстрировали способность к самоорганизации.

Несмотря на широкую распространенность “рантье”, было бы упрощением сводить крестьянина только к этому типу социального актора. В русском аграрном социуме можно также найти и представителей противоположного социокультурного типа – “спекулянтов”. Один из них, например, рельефно выписан К. Леонтьевым в конце XIX в.: “В Тульче живет старообрядец Филин Наумов. Он грамоты не знает; умеет писать только цифры... Он не... курит и не пьет... вина и водки... Он очень честен... По многим сделкам... он расписок не дает; постояльцы... не требуют с него расписки... Он один из первых в Тульче... задумал выписать из Англии паровую машину... и... богатство его после этого устроится, если дело это кончится успешно” (цит. по [Кравченко, 1998, с. 351]).

Не все сельские труженики разделяли распространенную среди крестьян неприязнь к технике, желание работать по привычке, порицали стремление к обогащению [Супоницкая, 2003, с. 48]. Старообрядческая культура в России содействовала выработке стимулов к рациональной трудовой деятельности. Так, В. Керов пишет: “Аскеза для старообрядцев оказывалась... не способом умерщвления плоти, но ежедневными методическими усилиями в их профессиональных занятиях... Таким образом они осуществляли в... повседневной жизни свои аскетические идеалы, обеспечивая при помощи сакрализации повседневности и мирской аскезы, как и в Западной Европе, реализацию модернизационных аспектов старообрядчества, позволяя достигать значительных хозяйственных успехов” [Керов, 2010, с. 101]. Из рядов старообрядчества вышли такие известные династии русского бизнеса, как Рябушинские, Морозовы, Мамонтовы, Гучковы и др. Старообрядцы составляли 64% представителей торгово-промышленного класса России [Жизненные... 2003, с. 266].

На культивирование таких ценностей, как интерес к новациям, инициативность, заинтересованность в улучшении своего материального положения, получении большего дохода от плодов своего труда была рассчитана аграрная реформа П. Столыпина. Тот же комплекс ценностей был востребован и в период аграрных перемен времен перестройки, и в 1990-е гг.

В эволюции аграрных отношений первоначальное доминирование “рантье” было нарушено появлением “спекулянтов”, которые в некоторые периоды русской аграрной истории оказывали революционное влияние. Если во времена Екатерины II противоборство “рантье” и “спекулянтов” только зарождалось, а в эпоху отмены крепостного права в 1861 г. уже оформилось, то в период проведения столыпинской реформы оно открыто угрожало существованию тогдашнего социального порядка.

Оценка фигуры Столыпина с точки зрения его принадлежности к социокультурному типу “рантье” или “спекулянта” неоднозначна. Приверженность идее монархии и личная преданность императору Николаю II, казалось бы, позволяют зачислить премьер-министра в категорию “рантье”. Вместе с тем “он начал борьбу за послереволюционную Россию, которая существенно отличалась бы от той России, в которой он вырос и за которую все еще держался и класс, к которому он принадлежал, и сам царь... Столыпин можно назвать революционером мысли и действия” [Шанин, 1997, с. 383].

Пример Столыпина демонстрирует сложный характер каждого из социокультурных типов – “рантье” и “спекулянтов”, возможность переплетения в них внешне противоположных черт. Осмысление опыта реформ в России поднимает проблему соотношения действия акторов и структурного фона. В социологической литературе намечены три подхода к ее решению: волонтаристский, структуралистский и дуальный [Giddens, 1979]. Дуальный подход Э. Гидденса заменяет “дуализм” первых двух решений “понятием дуальности структуры”, где структура понимается как “правила и ресурсы” [Giddens, 1979, p. 65].

По отношению к действиям агентов “структура является одновременно средством и результатом воспроизводства практик” [Giddens, 1979, p. 5]. Гидденс критикует Э. Дюркгейма за то, что у него “характеристики социального целого отделены от характеристик индивидуальных агентов”, а «общество» внешне по отношению к своим индивидуальным членам» [Giddens, 1979, p. 50]. Однако позиция Гидденса остается в пределах сформулированного Дюркгеймом методологического принципа объяснения “социального социальным”. В его рамках понятие “социальные факты” определяется как “образы мыслей, действий и чувствований”, которые “обладают тем замечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний. Эти типы поведения или мысли не только находятся вне индивидуума, но и обладают еще принудительной силой” [Западноевропейская... 1996, с. 310].

У Дюркгейма ментальная реальность объективируется и наделяется статусом “структурного принуждения”. От категории “социальные факты” как последней реальности отталкивается и Гидденс. Но в отличие от Дюркгейма он не “овнешняет” категорию структуры, а имманентизирует ее. Тем самым устанавливается ее зависимость от категории деятельности. В попытке закрепить за каждым из компонентов этого социологического уравнения постоянную роль он предписывает действию актора роль каузального фактора структурных ограничений, а структуре – роль “средства” и “результата” действий социального агента. Но в социальных процессах эти роли находятся в более сложных взаимоотношениях, где каждый элемент ряда многофункционален и не только определяется другими элементами, но и сам их определяет.

Некоторые случаи трудно согласовать с мыслью Гидденса о единстве, “взаимозависимости структуры и деятельности” [Giddens, 1979, p. 69]. Во-первых, это “структурная дуальность” Ш. Эйзенштадта. Она выражается в сосуществовании “дезорганизованного традиционного” и “не интегрированного современного” сегментов общества [Eisenstadt, 1966, p. 87]. В ней выделяются следующие аспекты – слабая связь между традиционным и современным; “новый тип” городской бедноты (на-

пример, фавелы в Бразилии); растущий разрыв между сельским и городским населением; неспособность элит интегрировать аграрные сегменты в общество модерна [Eisenstadt, 1966, p. 87–88]. Во-вторых, это разность результатов транзита в странах со сходным стартовым структурным потенциалом [Мельвиль, 2010, с. 76]. Одни страны (например, Индия или Бразилия) входят в число наиболее быстро растущих экономик мира, другие – нет (например, Аргентина или Таиланд). В-третьих, это опережающий рост экономик стран с более низким стартовым структурным потенциалом [Мельвиль, 2010, с. 76]. Так, Южная Корея или Тайвань, то есть государства с небольшим стартовым структурным потенциалом, демонстрируют более высокую степень экономической и политической результативности, чем, скажем, Саудовская Аравия или Иран – страны с большим ресурсным потенциалом. В-четвертых, это “негативные отношения между экономическим ростом и равенством доходов”. “Высокий уровень роста” “меняет распределение доходов в пользу высокодоходных групп и в ущерб низкодоходным группам” [Comparing... 1996, p. 472]. Так, в Китае и Бразилии коэффициент Джини – показатель неравномерности распределения доходов по социальным группам – составлял в первой половине 2000-х гг., соответственно, 0,447 и 0,580 [Нуреев, 2009, с. 19]. В-пятых, это “конфликт” между экономическим развитием и демократией. Экономический рост может сочетаться с авторитаризмом [Comparing... 1996, p. 473]. Свежий пример такого рода – Китай. В-шестых, это наличие низкоконтинентных групп, то есть групп, которые сочетают высокое положение по одним статусным переменным с низким по другим. Это, согласно Г. Ленски, может объяснить “некоторые необъяснимые ранее вариации политического поведения” [Ленски, 2003]. В-седьмых, это неоднородность социальных действий. Целерациональные, ценностно-рациональные, традиционные, аффективные действия по Веберу [Вебер, 2006, с. 587], логические и нелогические действия по Парето [Pareto, 1980, p. 19–20] нарушают единство категорий действия и структуры. Один и тот же тип социального действия может вызывать в структуре как функциональные, так и дисфункциональные последствия.

По мнению А. Мельвиля, «структуры не имеют... определяющего влияния, по крайней мере, существуют многочисленные кейсы... которые резко выпадают из структурной логики... результаты... свидетельствуют в пользу “актор-центрированного” подхода. Я пытаюсь сказать, что политические акторы в принципе способны преодолевать “структурные” ограничения и конструировать демократические институты и практики в “неблагоприятных” условиях» [Мельвиль, 2010, с. 6]. В то же время А. Филиппов задается вопросом о том, может ли современную социологию устраивать теория, для которой основной состав социальной жизни – действия (см. [Попова, 2003, с. 142]). Для подкрепления обоснованности своих сомнений в правомерности деятельностного подхода он приводит образ, предложенный Б. Латуром, согласно которому социолог не интересуется тем, как устроена паровая турбина, ему интересна социальная организация людей на корабле, движимом этой турбиной. И тогда социология оказывается наукой о действиях. Тем не менее, по мнению Латюра, приходит время исследования “паровых турбин” – материальных и технических аспектов социального устройства [Попова, 2003, с. 142].

Позиции обоих российских исследователей можно рассматривать с точки зрения отсутствия строго фиксированного, заданного соотношения между действиями актора и структурой. В рамках этой оптики проблема первичности действия/структурного фона заменяется проблемой их функциональной коррелятивности. Реформы Петра I в России или К. Ататюрка в Турции показывают способность воли акторов преодолеть силу структурных ограничений.

Есть обратные примеры. Пример столыпинских реформ (как и перестройки М. Горбачева) также выбивается из “дуальной” логики Гиденса. Почему при наличии воли и власти Столыпина, интересов акторов частного аграрного производства, связанных с продолжением преобразований сельского хозяйства на рыночной основе, действия социальных агентов не сумели взять верх над структурными ограничениями? Можно ли

объяснить поражение столыпинской реформы только структурными факторами, если в тот период дифференциация социальной среды порождала структурные сегменты, релевантные рыночно ориентированным действиям акторов (части крестьянства)? Наконец, не упускает ли из виду концепт “дуальности структуры” возможность экстернизации структурного принуждения? Кроме того, следует учитывать различие социокультурных типов, их целей, мотивов и интересов. Противоборство “рантье” и “спекулянтов” с их разнонаправленными целями и интересами способно не только “укрощать” структурную среду, но и подпадать под ее воздействие, когда она начинает “штормить”.

Как бы то ни было, реформы Столыпина открыли новый этап борьбы между “рантье” и “спекулянтами” в России, которая продолжается до сих пор. В XX в. эта борьба шла с переменным успехом. Если Октябрьскую революцию 1917 г. можно назвать революцией “рантье”, то революцию начала 1990-х гг. – революцией “спекулянтов”. Конфликт интересов основных социокультурных типов, пронизывающий процессы реформирования аграрных отношений, иллюстрирует типология моделей аграрных преобразований в России, предложенная А. Медушевским [Медушевский, 2007, с. 76–77].

Первая модель трансформации аграрных отношений исходит из признания того, что исходный принцип русской аграрной системы – принцип соединения земли и власти, составляющий основу служилого государства, которое впоследствии стало объектом реформирования. Направления такого реформирования проложены проектами введения наследственной аренды на землю для крестьянства во времена Екатерины II, впервые поставившей вопрос о ликвидации крепостного права. Реформаторские тенденции той эпохи были продолжены инициативами М. Сперанского, Н. Мордвинова, реформой государственных крестьян П. Киселева. Усилия правящей элиты на этом этапе аграрного реформирования были нацелены на деконструкцию института служилого государства.

Вторая модель ориентирована на освобождение крестьян от крепостной зависимости с наделением их землей и сохранением общинных институтов. Это – либеральный проект (прежде всего, проект К. Кавелина и его реализация в ходе Крестьянской реформы).

Третья модель предполагала преодоление правового дуализма путем распространения действий гражданского права на крестьянское право. Институциональный дуализм, возникший еще при Петре I, не преодоленный реформами 1860-х гг., сохранявшийся вплоть до революции 1917 г., сочетал в себе, с одной стороны, сферу “неписаного крестьянского права с его архаичными аграрными представлениями о справедливости, приоритете коллективного начала над личным, отрицанием индивидуальной собственности”, а с другой – рациональную систему “позитивных правовых норм, которые, в значительной мере будучи заимствованы из европейских кодексов, вполне отвечали представлениям о гражданском обществе и частной собственности” [Медушевский, 2007, с. 83–84].

Четвертая модель предусматривала перераспределение земель при сохранении имущественных прав землевладельцев (проект Конституционно-демократической партии). Эту модель Медушевский называет “неолиберальной”, так как в ней, по его мнению, содержится “выработка формулы социальных функций права и социального государства с целью конституционного решения аграрного вопроса” [Медушевский, 2007, с. 76].

Пятая модель представлена проектом партии социалистов-революционеров (и разработанным на его основе ленинским Декретом о земле, принятым в 1917 г.). Она строится на уравнительном распределении государственного земельного фонда в соответствии с единой трудовой нормой.

Шестая модель отражена в проекте Коминтерна, возникшем на волне большевистской революции. Она исходит из идеи экспорта аграрной революции как попытки “компенсировать отсутствие позитивной стратегии преобразования аграрных отно-

шений распространением их экстенсивной формы на другие страны” [Медушевский, 2007, с. 76–77].

Седьмая модель базируется на идее приватизации земли (идея реализована в Земельном кодексе РФ от 2001 г.). Она доминирует в постсоветский период регулирования аграрных отношений.

Последнюю, восьмую, модель Медушевский характеризует как “бонапартистскую”. Она полностью никогда не была осуществлена в России, но ее элементы, по мнению Медушевского, присутствовали во всех крупных аграрных реформах. Бонапартистская модель предполагает проведение рыночных реформ при авторитарной власти, лавирующей между традиционализмом и модернизацией [Медушевский, 2007, с.77].

Перечисленные модели отражают разное соотношение сил между основными социокультурными типами, противоборство соответствующих систем целеполаганий и ценностно-институциональных норм. С этой точки зрения изложенные выше модели можно классифицировать на четыре основные группы: реконструкции институциональной системы служилого государства; его деконструкции на основе идей Просвещения; приватизации земли независимо от сословной принадлежности; компромисса между традиционализмом и модернизмом. Первую группу моделей образуют пятая (эсеровская) и шестая (коминтерновская). Разница между обеими моделями состоит в том, что пятая модель – это более умеренная версия реконструкции служилого государства, чем шестая модель (ее интернационалистский вариант).

Эсеровский проект “социализации” земли, предлагавший, кроме равного распределения земель, запрет на земельный рынок и на использование наемного труда в сельском хозяйстве, должен был “связать революционные цели и крестьянские желания” [Шанин, 1997, с. 353]. В этой группе доминирует социокультурный тип “рантье”. Она исходит из незыблемости государственной собственности на землю и в этом отношении соответствует господствующим в русском аграрном сообществе представлениям о земле как объекте “религиозной сакрализации”, на которую в силу этого не могут распространяться категории рыночной экономики. “Эти настроения, – пишет Медушевский, – были живы на протяжении всей истории и во многом сохраняются ныне” [Медушевский, 2007, с. 84]. В первой группе моделей, в отличие от остальных, явственно выражена тенденция отождествления государства и общества.

Вторую группу моделей представляет первая (просвещенческая) модель. Будучи продуктом идеологии эпохи Просвещения, она ослабляет базовый принцип средневековой формы социального господства, строящейся по признаку оппозиции “господин–слуга”, но не предполагает передачу крестьянам земли в частную собственность. Здесь крестьянин еще мыслится как подданный, а не как формально равное с представителем имущего класса лицо, то есть как слуга, а не гражданин. Сам институт частной собственности не ставится под сомнение, но ставится в зависимость от сословной принадлежности.

Начинающееся в данной группе моделей восхождение социокультурного типа “спекулянта” наталкивается на силу антирыночных настроений “рантье”. В рассматриваемой модели сохраняется преобладание натурального хозяйства. Эффективность сочетания (хотя бы и в конфликтной форме) частных (для землевладельцев) и арендных (для крестьян) форм организации аграрного дела сводится на нет слабостью рыночных отношений. Такая структура собственности в аграрном секторе продержалась до Октябрьской революции 1917 г.

Основной недостаток второй группы моделей состоит в том, что она, в отличие от первой группы, более неравновесна и потому менее стабильна, вносит социальный раскол в аграрное сообщество. Тормозя развитие рыночных отношений, данная модель консервирует замкнутость хозяйственных единиц и архаические формы в аграрном секторе.

В третью группу входят третья (преодоление правового дуализма), четвертая (кадетская) и седьмая (либеральная постсоветского образца) модели. Она утверждает

вестернизированные представления о праве и частной собственности как ценностно-институциональных нормах общества модерна. Либеральные проекты XIX в., откорректированные реформами Столыпина, усилили нестабильность русского аграрного общества, которая сравнительно быстро дала о себе знать традиционалистской реакцией крестьянского большинства в виде революций начала XX в. В этом отношении третья группа моделей наиболее неравновесна и конфликтна. Для нее типичен социокультурный тип “спекулянта”. Третья и четвертая модели этой группы строятся на том, что “увеличение крестьянских земельных наделов... и одновременное разрушение сельских общин было необходимо для создания социальной базы политического консенсуса” [Шанин, 1997, с. 233]. Однако на такой основе достичь в России политического консенсуса в начале XX в. не удалось.

Существенный ограничитель этой группы моделей заключается в игнорировании слабости чувства частной собственности в русском аграрном сознании. Даже сегодня, согласно опросам общественного мнения, большинство граждан современной России выступают против частной собственности на землю, а в сельской местности этот показатель близок к абсолютному [Медушевский, 2007, с. 87]. Поэтому и сегодня актуальны уроки аграрной политики русских либералов начала XX в., мысливших достижение социального консенсуса в аграрном сообществе без учета “общинных” интересов.

Четвертая группа моделей включает в себя вторую (освобождение крестьян от крепостной зависимости при сохранении общинных институтов) и восьмую (бонапартистскую) модели. Их характеризует попытка достичь исторического компромисса между традиционализмом и модернизмом. Эта группа моделей примечательна тем, что исходит из допущения равновесия интересов социокультурных типов “рантье” и “спекулянтов” как основания для социальной конвенции при регулировании их отношений.

На первый взгляд, эта группа моделей больше сочетается со спецификой русско-го менталитета и требованиями не столь резких темпов преобразований. Однако в ней есть два недостатка. Во-первых, она носит резко выраженный антиномический характер: предполагает развитие рыночных отношений при невосприимчивости большинства крестьян к идее купли-продажи земли и сохранении традиционных аграрных институтов. В результате там, где появляются рыночно ориентированные группы, они остаются экономически и политически слабобазисными. “Уничтожение крепостного права в 1861 году, – писал русский экономист-аграрник начала XX в. В. Косинский, – создало громадную группу малоземельных сельскохозяйственных предпринимателей, которые находятся в настоящее время в бедственном состоянии, настойчиво требуют улучшения своего положения” [Новое... 2001, с. 209]. Такой тип собственника не мог наладить эффективное сельскохозяйственное производство в обществе, где земля является основным ресурсом.

Во-вторых, одна из моделей этой группы – бонапартистская, которую Медушевский называет еще “демократическим цезаризмом” [Медушевский, 2007, с. 92–93], – никогда не была реализована в России на рыночной основе и потому ее эффективность проблематична. Другими словами, такая модель не получила экспериментальной (политико-экономической) проверки в условиях России.

Объективной преградой модернизации российского аграрного сообщества остается исторически возникшая дуальность аксиологических комплексов основных социокультурных типов. Поиски баланса их интересов – ключ к обновлению села.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М.* Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.
Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России XXI века. М., 2003.
Западноевропейская социология XIX–начала XX веков. Тексты. М., 1996.
Керов В.В. Между традиционализмом и модернизацией (сакрализация повседневности и мирская аскеза староверов XVIII–XIX веков в сравнительно-исторической перспективе). Ста-

тья 2. Мирская аскеза, нормы поведения и предпринимательская деятельность старообрядцев // Общественные науки и современность. 2010. № 6.

Кравченко А.И. Социология. Хрестоматия. Екатеринбург, 1998.

Ленски Г. Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса. 2003 (<http://www.socjournal.ru/article/571>).

Медушевский А.Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. 2007. № 1.

Мельвил А.Ю. Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? // ПОЛИС. 2010. № 4.

Новое и старое в теоретической социологии. Кн. 2. М., 2001.

Нуреев Р.М. Человеческий капитал и его развитие в современной России // Общественные науки и современность. 2009. № 4.

Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето. Политический аспект. М., 1999.

Попова И.П. В Институте социологии РАН // Социологические исследования. 2003. № 10.

Российское село в XXI веке: проблемы и перспективы. Первая Всероссийская конференция по социологии села (ноябрь 2004). Вып. III. М., Краснодар, 2004.

Супоницкая И.М. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе // Вопросы философии. 2003. № 5.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. 1917–1922 гг. М., 1997.

Comparing Nations and Cultures. Readings in a Cross-Disciplinary Perspective. Englewood Cliffs (N.J.), 1996.

Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs (N.J.), 1966.

Giddens A. Central Problems in Social Theory. Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London, 1979.

Pareto V. Compendium of General Sociology. New York–San Francisco, 1980.

© А. Жвйтиашвили, 2012